

‘атаковать’, или «старый, слабый» в значении *totter* ‘ковылять’). Возможность субъективной характеристики исполнителя действия (приписывания ему выделенного признака) в предложении-высказывании максимально расширяет периферию сочетаемостной парадигмы левостороннего актанта для глаголов с субъект-атрибутом.

Признак атрибутивного типа относится к непроцессуальной части значения, выражая перманентную характеристику субъекта в обозначенной динамической ситуации. Таким образом, полипропозитивность глаголов данной группы определяется совмещением перманентных признаков, характеризующих субъект, и процессуальных признаков, отражающих изменение.

Ориентация на отображение ситуации обуславливает усложнение лексического значения глагола, при котором в семантическую структуру включаются не только собственно глагольные компоненты, отражающие процессы с их характеристиками, но и компоненты, определяющие субстанции с их признаками. Воплощение субъекта в структуре глагольного значения является следствием синкретизма пропозициональной структуры знания о динамическом фрагменте действительности, который и определяет полипропозитивность субъектных динамических глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Langacker, R. W.* Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar / R. W. Langacker. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1990. – 412 p.
2. *Talmy, L.* Towards a cognitive semantics : in 2 vol. / L. Talmy. – Cambridge ; London : A Bradford Book ; The MIT Press, 2000. – Vol. 1 : Concept Structuring Systems. – 565 p.
3. *Филлмор, Ч.* Об организации семантической информации в словаре / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14 : Проблемы и методы лексикографии. – С. 52–92.
4. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд. – М. : Языки рус. культуры ; Восточ. лит., 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика. – 472 с.
5. Лексикограф : электронная лексикографическая база данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lexicograph.ruslang.ru/04DataBase.htm>. – Дата доступа : 12.11.2012.
6. *Уфимцева, А. А.* Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 239 с.

The article deals with the problem of complication of the semantics of a dynamic verb with features, defining a doer of the action. These subject dynamic verbs are characterized by polypropositivity – a combination of several propositions in the structure of meaning.

Т. Н. Гребень (*Минск, МГЛУ*)

СРЕДСТВА РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Рассматриваются разговорно-синтаксические единицы в медийном дискурсе на белорусском и английском языках в лингвокультурном аспекте. Установлено, что соблюдение принципа неимпозитивности, характерного для англоязычной лингвокультуры, обусловило наличие в британском медийном дискурсе несобственно-побудительных

предложений, превалирование имплицитно-оценочных присоединительных конструкций над эксплицитно-оценочными, а также отсутствие побуждающих вопросительных предложений. В свою очередь, импозитивность белорусскоязычной лингвокультуры на вербальном уровне проявляется в наличии в исследуемом типе дискурса побудительных предложений, в которых повелительная форма глагола либо повторяется, либо сопровождается личным местоимением.

Тезис В. фон Гумбольдта о том, что язык есть внешнее проявление духа народов, в той или иной форме развивается во всех культурологически ориентированных лингвистических теориях. В настоящее время лингвокультурология, по словам И. В. Карасика, «переживает... период расцвета» [1, с. 73], что связано с глобализацией мировых проблем, необходимостью принимать во внимание как универсальные, так и специфические модели поведения различных этносов для решения ряда актуальных вопросов, потребностью предвосхищать ситуации, в которых велика вероятность возникновения межкультурного непонимания [Там же].

Многие лингвисты, признавая связь языка и культуры, обращаются, главным образом, к лексическому уровню языка, который непосредственно «реагирует на изменения во всех сферах человеческой деятельности» [2, с. 88]. Однако и в области синтаксиса связь языка и культуры достаточно хорошо прослеживается, ведь, согласно утверждению Л. Н. Чумак, «культурный компонент значения – неотъемлемое свойство единиц любого национального языка на всех уровнях, в том числе и синтаксическом» [3, с. 79]. Как показали исследования А. Вежбицкой, выбор формы выражения – это тоже отражение идиоэтнического мировосприятия [4].

В результате анализа очерков и репортажей, отобранных из белорусско-англоязычной качественной прессы («Народная газета», «Звезда», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer»), было установлено, что разговорно-синтаксические единицы, широко представленные в данных медиажанрах, в ряде случаев отражают национально-культурную специфику белорусского и английского языков.

Прежде чем говорить о лингвокультурном аспекте средств разговорного синтаксиса, необходимо, на наш взгляд, остановиться на самом понятии разговорной речи. Вслед за представителями Московской школы функциональной социолингвистики мы рассматриваем разговорную речь как некодифицированную разновидность литературного языка, противопоставляемую кодифицированному литературному языку [5; 6]. При этом существенно, что под кодификацией понимается описание норм такой разновидности языка в словарях и грамматиках, поддержание их в учебных заведениях.

Противопоставление кодифицированной и некодифицированной разновидностей литературного языка основывается на трех экстралингвистических факторах – «разговорная речь используется в ситуациях неподготовленного, непринужденного общения при непосредственном участии говорящих в акте коммуникации» [5, с. 5]. При этом непринужденность общения создается

такими основными внеязыковыми факторами, как неофициальные или нейтральные отношения между говорящими и отсутствие у них установки на официальное сообщение [5, с. 5]. Кодифицированный литературный язык и разговорная речь представляют собой разные языковые системы в пределах литературного языка, «очень близкие между собой на одних участках и очень далекие на других» [6, с. 21].

Существенно, что разговорная речь не тождественна просторечию, или сниженному стилю, называемому иногда разговорным стилем. Принципиальное различие между двумя понятиями состоит в том, что разговорная речь представляет собой самодостаточную языковую систему, естественное средство общения в условиях неофициальной, непринужденной коммуникации, в то время как сниженный стиль, основу которого составляет в первую очередь лексика и фразеология, – «это набор красок. На сниженном стиле не говорят» [Там же, с. 53].

Известно, что в английской коммуникативной культуре имеется хорошо разработанный набор коммуникативных стратегий и тактик, направленных на социальное дистанцирование. В результате их использования сформировалась такая характерная для англоязычной лингвокультуры черта коммуникативного поведения, как неимпозитивность, т.е. недопустимость или сведение к минимуму прямого коммуникативного давления на адресата [7]. Данная черта обусловила превалирование в англоязычном медийном дискурсе несобственно-побудительных предложений над другими типами повелительных предложений, относящихся к области разговорной речи (императивами, содержащими личные местоимения наряду с повелительной формой глагола, и предложениями с повторяющимся глаголом в повелительной форме). Под несобственно-побудительными предложениями, вслед за М. Ю. Скребневым, мы понимаем предложения, выражающие побуждение к действию без участия императива [8]. В материале исследования такие разговорно-синтаксические единицы оказались характерными, главным образом, для прямой речи. Так, в репортаже о сборе кокосов в рамках прямой речи встретился следующий пример несобственно-побудительного предложения: «*One more... yes!*» *The cluster of farm workers gathered below are encouraging* «Еще разок... да!» – подбадривают собравшиеся фермеры». В другом примере *We walk in their footprints. Then suddenly Ray is pointing. «There!»* «Мы идем по их следам. Затем Рэй вдруг показывает. «Туда!»» неимпозитивность англоязычной лингвокультуры воплощается в несобственно-побудительном предложении *There!* «Туда!».

Если категоричность форм не свойственна английскому этикету, то для белорусской коммуникативной культуры стратегии отдаления, дистанцирования не столь характерны, поэтому использование категоричных высказываний является допустимой нормой. Это, несомненно, находит свое отражение также и в медийном дискурсе на данном языке, а именно: в белорусскоязычных медиажанрах были выявлены единичные случаи несобственно-побудительных предложений наряду с активным использованием предложений, в которых повелительная форма глагола сопровож-

дается личным местоимением. Так, в репортаже с фестиваля этнокультурных традиций «Кліч Палесся» встретился следующий пример рассматриваемого разговорного средства: *А гэта мясцовы хлеб, але ён незвычайны, з стурпры-зам унутры. **Вы панюхайце** яго.* В другом примере автор приводит перечень блюд, которые были приготовлены участниками Республиканского конкурса профессионального мастерства (*Свіная карэйка з бульбяным пюрэ і яблычна-тмінавым соусам на падушцы з рататуйа з гародніны, дэкарыраваная мікрэзелянінай. Араматыная свініна ў соусе на квасе з пюрэ з бульбы і лукавым мармеладам...*), а затем обращается к читателям посредством следующего повелительного предложения разговорного типа: ***Вы толькі не падумайце, што гэта рэклама меню элітных рэстаранаў.***

Отметим также, что в проанализированном материале на белорусском языке были выявлены случаи, когда говорящий не пытается снизить степень давления на собеседника, а напротив, интенсифицирует его, употребляя повтор повелительной формы глагола, что значительно усиливает категоричность высказывания. Например: ***Патрымайце-патрымайце, дзе вы яшчэ такое ўбачыце!*** Парадоксально, но использование такого приема в белорусской лингвокультуре не снижает степень вежливости, а наоборот, повышает.

Другим проявлением неимпозитивности британской лингвокультуры в исследуемых медижанрах является отсутствие в них побуждающих вопросов. Несмотря на то, что призыв к действию посредством вопросов звучит менее категорично и навязчиво, авторы рассматриваемых медижанров стараются избегать данного средства разговорного синтаксиса в своих публикациях. Для медиадискурса на белорусском языке, напротив, наряду с прямым побуждением к действию посредством различных повелительных предложений характерны также вопросы-побуждения, способствующие взаимодействию автора с читателем и имеющие своей целью призвать последнего к совершению какого-либо действия или же, наоборот, к прекращению действия. Например: *Але **чаму б не пакатаць** сваіх дзетак на поні **ці сфатаграфавачь** іх з Дзедам Марозам і Снягуркай ці іншымі казачнымі персанажамі, якіх можна сустрэць на беларускіх кірмашыках?. Вядома, для замены старых рускамоўных патрабуюцца выдаткі, але **чаму б не зрабіць** новыя на беларускай мове?.* Поскольку рассматриваемые вопросы имеют иллокутивную силу повелительных высказываний, они могут быть преобразованы в императивные предложения (***Пакатайце** сваіх дзетак на поні **ці сфатаграфуйце** іх з Дзедам Марозам і Снягуркай ці іншымі казачнымі персанажамі, якіх можна сустрэць на беларускіх кірмашыках; Вядома, для замены старых рускамоўных патрабуюцца выдаткі, дык **зрабіце** новыя на беларускай мове).*

Среди средств разговорного синтаксиса, представленных в медийном дискурсе на белорусском и английском языках, значимыми с точки зрения лингвокультурологии являются также оценочные присоединительные конструкции. Поскольку качественная пресса стремится «воплотить в жизнь часто декларируемый, но не всегда реализуемый принцип объективности,

непредвзятости в освещении событий» [9, с. 63], оценка в медийном дискурсе на двух языках может быть представлена не только эксплицитно, но и имплицитно.

При проведении контрастивного анализа было установлено, что, несмотря на примерно одинаковую частоту употребления оценочных присоединительных конструкций в медиадискурсе на двух языках (12 % в белорусскоязычном и 12,9 % в англоязычном), для британской лингвокультуры, в которой открытое и агрессивное воздействие на адресата является нежелательным, в большей степени характерно выражение имплицитной, т.е. скрытой оценки. Рассмотрим следующий пример: *My partner and I aren't here to be indulged, but to walk – and, in particular, to walk with Bonham* 'Мы с партнером здесь не для того, чтобы нам потворствовали, а чтобы ходить – и, в частности, ходить с Бонэмом'. В присоединяемой части данной конструкции отсутствуют какие-либо оценочные лексические единицы, однако благодаря контекстуальному анализу становится возможным утверждать, что здесь представлена положительная оценка в отношении господина Бонэма. Во-первых, автор выделяет его из ряда других специалистов, а во-вторых, анализ более широкого контекста показывает, что господин Ричард Бонэм является известным орнитологом и защитником природы, ведущим активную борьбу с браконьерами в Кении, а также организует незабываемые пешие сафари. В другом примере присоединительной конструкции приводится некоторая статистическая информация о размере заработных плат на Кубе: *State salaries in Cuba are on average \$20 a month – even a doctor or an architect can be taking home \$2 a day* 'Заработные платы в государственном секторе на Кубе составляют в среднем 20 долларов в месяц – даже врач или архитектор могут зарабатывать по 2 доллара в день'. Таким образом, автор дает негативную оценку экономической ситуации в данном государстве, не прибегая при этом к использованию языковых единиц, эксплицирующих данную оценку.

В медийном дискурсе на белорусском языке оценка в рамках присоединительных конструкций чаще выражена открыто посредством слов, входящих в лексико-семантическую категорию качества. Так, в проблемном очерке, посвященном статусу белорусского языка в современном обществе, положительно оценивается стремление молодежи к овладению языком: *Цяпер шмат маладых людзей, якія імкнуцца вывучаць яе і карыстацца ёй. І гэта пазітыўна*. В другом примере из репортажа с ежегодного фестиваля «Мотальскія прысмакі» автор резюмирует свои впечатления в следующей присоединительной конструкции с эксплицитно выраженной положительной оценкой: *Маталяне – шчасліўчыкі, бо яны ядуць лепі, чым у сталіцы. Ды і забавляюцца не горш за мінчан*.

Таким образом, к средствам разговорного синтаксиса, в которых обнаруживается тесная взаимосвязь языка и культуры, относятся, прежде всего, повелительные предложения разговорного типа, вопросительные предложения, имеющие иллокутивную силу побуждения, а также оценочные

присоединительные конструкции. Для медийного дискурса на белорусском языке характерно наличие побудительных предложений, в которых повелительная форма глагола либо повторяется, либо сопровождается личным местоимением, активное использование вопросов-побуждений и эксплицитно-оценочных присоединительных конструкций. В свою очередь, особенностью англоязычного медиадискурса являются несобственно-побудительные предложения, присоединительные конструкции с имплицитно выраженной оценкой, а также отсутствие в нем вопросительных предложений, цель которых состоит в побуждении адресата к совершению или прекращению действия. Выявленные расхождения обусловлены, главным образом, принципом неимпозитивности коммуникации, который традиционно относится к национальной особенности англоязычного общения и на уровне вербального поведения проявляется в непрямойности, уклончивости, некатегоричности. Для белорусской коммуникативной культуры, в основе которой лежат иные социально-культурные отношения, коммуникативное давление на собеседника не является запретом, а расценивается как допустимое и естественное.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. *Ощепкова, В. В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В. В. Ощепкова. – М. ; СПб. : ГПОССА ; КАРО, 2004. – 336 с.
3. *Чумак, Л. Н.* Язык как отражение национального менталитета / Л. Н. Чумак // Русский язык : исторические судьбы и современность, Москва, 13–16 мар. 2001 г. / Моск. гос. ун-т. – М., 2011. – С. 79–80.
4. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Рус. словари, 1996. – 416 с.
5. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 239 с.
6. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
7. *Ларина, Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации : Сопоставление английских и русских линвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М. : Языки слав. культур, 2009. – 512 с.
8. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев ; под ред. О. Б. Сиротиной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.
9. *Добросклонская, Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2005. – 286 с.

The paper deals with the contrastive analysis of syntactic colloquial means in media discourse in the linguocultural aspect. In Belarusian and English media genres the syntactic colloquial units that demonstrate the relationship between language and culture are revealed; the specific features for the two languages are detected. The differences are determined by cultural peculiarities of communication in Belarusian and English.